

Сотрудник оцепенел.

Сказать по правде, из всех присутствующих именно эта крошечная кукла внушала ему самые неприятные предчувствия. И дело было не только в том, что марионетка подчинила себе столь могущественного паяца. Мужчина отчетливо ощущал исходящую от нее угрозу — глухую, неподвластную никакому контролю. За все долгие годы работы он сталкивался с подобной стихийной силой лишь однажды. В тот первый раз его любимый Подводный мир едва не разлетелся в щепки.

— Ты не рад? — кукла заставила Иллюзиониста сделать шаг вперед, неторопливо двигаясь прямо к сотруднику. — А ведь должен бы. Ты же сам пел, как будешь счастлив, если мы останемся на ночь.

Мужчина опустил взгляд на блокнот, где значился седьмой вопрос, предназначенный кукле:

[Скажи, тебе известно, где появится русалка?]

Сотрудник молчал, не решаясь поднять глаза на Ло Ижаня, восседавшего на тулье высокой шляпы фокусника. Наконец он выдавил из себя бледную, натянутую улыбку:

— Что вы, я очень рад... И искренне надеюсь, что эта ночь принесет нам исключительно приятные впечатления.

Тонкие пальцы Иллюзиониста едва заметно дрогнули, сгибаясь в беззвучном жесте.

Сотрудник поспешно отступил, освобождая дорогу.

— В таком случае, прошу вас вернуться к началу Подводного тоннеля и подождать меня там. Полагаю, провожатый вам не требуется.

Ло Ижань ответил делом. Он заставил Иллюзиониста шагнуть вперед, и, проходя мимо застывшего сотрудника, деревянный паяц едва слышно обронил:

— Иногда стоит тщательно взвешивать слова, прежде чем выпускать их на волю.

Мужчина растерянно моргнул, переваривая услышанное.

Ло Ижань, хоть и услышал эту реплику, оставил ее без внимания. Он прошел сквозь толпу притихших игроков напрямик к Артелю. Тот замер, вытянувшись струной. Глаз за стеклами черных очков было не разглядеть, низко надвинутая шляпа приминала буйные кудри, и лишь пара золотистых завитков упрямо торчала сбоку.

Его аура разительно изменилась.

Кукла перестала болтать свисающими с полей цилиндра ножками, поджала их под себя и спросила:

— Пойдешь со мной к выходу из тоннеля?

Артель едва заметно кивнул.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Иллюзиониста, Вэйя в досаде прикусил ноготь.

Хэ Цинцин, вконец запутавшись в происходящем, растерянно пробормотала:

— Так что, остаться в Подводном мире — это не так уж и страшно?

Вэйя ядовито усмехнулся и с нескрываемым презрением зыркнул на девушку:

— А ты попробуй. Рискни здоровьем.

—... Пожалуй, не стоит, — стушевалась та.

Вэйя отвел взгляд и сердито уставился на стоявшего напротив Ли Цифэна. Тот лишь едва заметно качнул головой, призывая к спокойствию.

Оба прекрасно понимали: на своем Пути из десяти клеток Ло Ижань наверняка задал вопросы, бьющие точно в цель — либо по поводу Артеля, либо о самой русалке. Не исключено, что он уже выяснил ее местонахождение. Однако то, что допрос куклы оборвался именно на этом месте, отведет глаза остальным. Большинство ухватится лишь за последний озвученный пункт: в чем же заключается миссия маленького монстра?

Парочка игроков в хвосте группы уже вовсю шепталась, пытаясь разгадать, почему Ло Ижань утаил суть своего квеста. Может, само задание таит в себе подвох?..

Впрочем, даже догадайся они о существовании других вопросов, толку от этого было мало. Служащий не зачитал их вслух, а значит, любые выводы оставались не более чем гаданием на кофейной гуще. Знал ли кукольник ответы на самом деле?

При мысли о том, сколько ценных сведений утаил этот мелкий чертенок, Вэйя снова потянулся к пальцам. Откуда он, черт возьми, столько знает? Как же обидно, что расспросить его больше

не удастся...

— Следующий. Вэйя, на выход.

По дороге к выходу из тоннеля кукла заставила Иллюзиониста пристроиться в затылок Артелю. Алые пуговицы глаз Ло Ижаня гипнотизировали чужую макушку.

Едва они миновали арку и вышли на открытое пространство, спутник резко развернулся.

— Слишком пристально смотришь, — сухо бросил он.

Ло Ижань сидел на полях шляпы, скрестив ноги. Он дождался, пока парень снимет темные очки, обнажив пронзительно-синие, кристально чистые глаза, и мягко улыбнулся:

— Приветствую тебя, Идия.

Идия стянул шляпу, позволив золотым волосам рассыпаться по плечам.

— Какая поразительная уверенность.

— Ошибки быть не может, — Ло Ижань заговорщически склонил голову набок. Он настоял на присутствии Артеля именно потому, что догадывался: в нужный момент тот уступит контроль истинному хозяину. — Ведь это ты прошлой ночью вел беседу с моим паяцем. И жемчужину в резервуаре мне передал тоже ты.

— И все же чары жемчуга на тебя не подействовали, — лицо Идии дышало безмятежностью, почти святостью. — Самый досадный изъян кукол — отсутствие дыхания. Невозможно понять, спишь ты или притворяешься.

— Просто у меня не оставалось иного выбора, кроме как поставить на тебя, — Ло Ижань прищурился, являя саму любезность. — Русалке, как главному герою этой пьесы, давно пора было явить себя публике. И я знал, что дарителем в резервуаре была русалка. Оставалось лишь связать концы с концами и доказать, что ты и то существо — одно лицо.

Идия запрокинул голову. В его распахнутом взоре читалось такое детское простодушие, что казалось, будто он взирает на куклу как на сошедшее с небес божество.

— И как же ты догадался?

Улыбка Ло Ижания на мгновение застыла.

— Да любой дурак бы понял. Подобную гремучую смесь святости, невинности и вопиющей глупости симитировать практически невозможно.

Лицо Идии на миг исказила гримаса злости.

— Вот теперь гораздо живее, — кукольник вяло похлопал крошечными ладошками.

Пальцы Идии судорожно дернулись, издав сухой деревянный щелчок.

— До чего же ты мерзкий тип.

— Хочешь меня убить? — Ло Ижань качнул головой. — Но ты заперт в чужой плоти. Сил-то хватит?

Иллюзионист глухо хохотнул, подав голос:

— Попробуй, Идия. Маленький хозяин пока не слишком уверенно держит мои нити.

Пощелкивание суставов прекратилось. Идия уставился на куклу в упор:

— А ведь до этой минуты ты мне безумно нравился. Я потому и подарил тебе жемчуг — хотел сделать своей личной домашней русалочкой.

Только превратив мальчишку в безмозглое морское чудище, он смог бы безраздельно играть с этой чудесной игрушкой.

— Я даровал тебе великую милость — право переродиться. Но ты упрямо цепляешься за свое жалкое существование, — в голосе Идии скользнула искренняя печаль. В самом деле, разве можно обрести новый облик, не умерев предварительно?

Ло Ижань коснулся жемчужной сережки в ухе. Безмолвной уже долгое время.

— Значит, ты сдался?

— Вовсе нет, — Идия с улыбкой шагнул ближе.

Кукла не сделала ни единой попытки увести Иллюзиониста назад. Лишь когда синеглазый юноша оказался вплотную, Ло Ижань едва заметно дернул пальцами, имитируя захват оружия.

Повинуясь воле хозяина, паяц мгновенно обнажил скрытый клинок.

Идия застыл.

— Мои руки останутся чистыми. Этой ночью ты и сам прекрасно сдохнешь.

Кукла безразлично моргнула.

Внезапно небесная синева в глазах Идии подернулась мраком. Вспыхнувшая в них глухая, яростная ненависть в мгновение ока уничтожила весь напускной ореол святости:

— Зачем... Ну зачем вы притащились в Водный город? Это проклятое, насквозь гнилое место. Встреться мы где угодно в другом мире, я бы пальцем тебя не тронул.

Ло Ижань выдержал паузу. На его кукольном лице отразилась крайняя степень скепсиса:

— Не знал, что работа босса требует столько актерского мастерства. Обязательно так надрываться, отрабатывая сюжетный сценарий?

Идия подавился воздухом.

Ло Ижань, решив проявить каплю сочувствия, утрированно-театрально округлил глаза:

— Боже мой! Водный город — обитель зла? Но почему? Неужели он причинил тебе боль?

Идия лишился дара речи.

Иллюзионист затрясся в беззвучном, давящемся смехе:

— Ну же, хозяин подыгрывает тебе, лови подачу! Что молчишь?

"Господи, ну почему... Почему именно этот паршивец раскопал меня первым?!" — мысленно взывал босс.

Откинув и напускной гнев, и святость, Идия уныло забубнил заученный текст:

— Люди порочны по своей природе. Они алчны, бесстыдны и похотливы. Сгусток первородной мировой грязи.

— Фальшиво, — Ло Ижань недовольно поморщился. — Добавь экспрессии, ну.

Идия вскинул голову. На дне его зрачков еще тлели угли настоящей, не наигранной злости. Кукольник понимал: пусть весь этот монолог и был частью сценария, ненависть парня к Водному городу была абсолютно реальной.

— Молодой господин, — влез Иллюзионист. Угадав ход мыслей хозяина, он весело хохотнул. — Боюсь, прямо сейчас этот юноша испытывает самую искреннюю ненависть лично к вам.

Ло Ижань безжалостно ткнул кулачком в макушку своего паяца и вновь перевел взгляд на Идию:

— Можешь исходить желчью сколько угодно, сути это не меняет: прямо сейчас ты бессилен причинить мне вред.

Он пристально всматривался в красивое лицо русалки, ловя малейшие мимические колебания.

— Нас сдерживают правила локации. Или... временные рамки? Из-за того, что на дворе день? Или условия второго дня игры запрещают...

Мимо.

Ло Ижань выдержал паузу. Заметив, как губы Идии тронула едва уловимая торжествующая усмешка, кукольник оскалился в ответ и указал крошечным пальцем на собственную мочку:

— А, есть еще вариант. Твоя атака на меня уже началась и все еще продолжается. А пока действует один алгоритм, запустить второй система тебе не позволяет.

Едва заметная тень, пробежавшая по лицу соперника, подтвердила его догадку.

Ло Ижань коснулся прохладной бусины:

— Надо же, какой благородный кодекс чести у монстров.

Правда, защита Жемчужины русалки явно имела срок годности. Скорее всего, лимит исчерпается с закатом солнца.

Идия едва сдерживал желание сбежать. Он не сделал ни единого выпада, не раскрыл рта сверх положенного, но эта проклятая деревяшка умудрилась выпотрошить из него вагон информации. И в довершение всего его просто-напросто подняли на смех.

— Куда же ты так торопишься? Позволь один вопрос, — в голосе куклы звучало предельное дружелюбие. — Скажи, те твари, что громят Подводный мир по ночам — это твои русал...

Договорить он не успел. Идия бесследно растворился в воздухе, а обмякшее тело Артеля кулем рухнуло на брусчатку.

— Скуповат он на откровения, — Ло Ижань вытянул затекшие ножки. Обидно, он даже вопрос не закончил. Любопытно все-таки: по какому принципу Идия перехватывает контроль над Артелем? Если дело в банальной одержимости, то это скука смертная.

— Молодой господин, — подал голос паяц, не в силах сдержать смешок. — Согласно программным настройкам, вы ему просто не симпатичны.

Ло Ижань замер на секунду, а затем плавно склонил голову:

— Естественно. Я ведь ношу титул «Самого выдающегося сотрудника». А исключительные личности вызывают у окружающих не только обожание, но и жгучую зависть.

Иллюзионист уже не слышал реплики хозяина. Стоило ему договорить фразу, как в его сознании завыл пронзительный механический зуммер Системы. Повторное нарушение повлекло за собой немедленную кару: тело куклы пронзил невыносимый жар, словно по его венам пустили жидкое пламя.

Из деревянной груди вырвался тихий, надтреснутый, безумный смех:

— Подумать только... Я всего лишь озвучил то, что вам и без того известно...

Ло Ижань нахмурился и, перегнувшись через край тульи шляпы, заглянул вниз.

Паяц мелко дрожал всем телом, однако в его голосе по-прежнему сквозило ядовитое веселье:

— Мой господин, не смотрите... Зрелище... не из приятных.

Снежно-белые бинты, стягивающие его лицо и торс, стремительно темнели. Сквозь плотную ткань сочилась густая, багровая кровь, расплываясь уродливыми бурыми пятнами.

Ло Ижань помрачнел:

— Ты сейчас развалишься.

— Я не сломаюсь.

Поскольку наказание системы уже шло полным ходом, Иллюзионист решил идти до конца:

— Помните, мой господин... Исключительным личностям Судьба куда охотнее подбрасывает Шанс.

Зуммер Системы взвыл было вновь, но тут же захлебнулся и затих — формулировка паяца оказалась слишком туманной и завуалированной для прямого бана.

— Знаю, — отозвался Ло Ижань.

Прошлой ночью визит Артеля стал для него тем самым Шансом, стучащимся в дверь. И он им воспользовался сполна.

Кукольник выпрямился:

— Ты только что грубо нарушил свой внутренний свод правил.

Алая влага продолжала заливать бинты. Адская боль и пожирающий изнутри жар пробудили в глубинах памяти Иллюзиониста призраков далекого прошлого. Перед его мысленным взором стеной встало ревящее пламя, пожирающее все, что когда-то было ему дорого.

— Мой милый господин... — благоговейно, с пугающей нежностью прошептал он.

Ло Ижань промолчал. Его волновало лишь одно: сохранит ли эта груда окровавленного дерева дееспособность, когда Система закончит экзекуцию.

— Как же сильно... как безумно... я хочу придушить вас собственными руками.

Услышав это предельно искреннее признание, кукла даже не шелохнулась. Ло Ижань остался абсолютно безучастен, напоминая фарфоровое существо с витрины антикварной лавки — холодное, безжизненное, чуждое земным страстям. Вот только восседал этот изящный сувенир на плечах содрогающегося от боли, истекающего кровью монстра.

— Взаимно, — наконец подал голос Ло Ижань. — Но пока что на грани гибели стоишь именно ты.